

© 2002 г.

РОССИЯ: ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЕСЯ ОБЩЕСТВО (Под ред. В.А. Ядова). М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. 640 с.

Эту книгу можно отнести к числу фундаментальных работ в области социологии. Фундаментальность труду придают, во-первых, актуальность рассмотрения проблемы социальных трансформаций на примере России; во-вторых, многообразие примененных теоретико-методологических подходов и, в-третьих, попытки найти связь между концептуализацией социальных процессов и повседневностью социальной жизни. Поставленные авторами задачи определили интегративность многих представленных в монографии положений, их связь с разработками предшественников. Особенностью книги является умение исследователей сосредоточиться на главном, отказаться от попыток дать "последние ответы" на "последние вопросы" общественного развития. В этом и состоит понимание сложности и многомерности исследуемого объекта, а также такой подход к социальным явлениям, который трактует их не столько как субстанциальные реальности "социальной метафизики", сколько как совокупность динамических процессов. Это ориентирует обществоведа на конкретный анализ конкретной ситуации, учет диалектики общего и особенного.

В первом разделе ("Теоретико-методологические подходы и социальная реальность") читателя ожидает встреча с разноплановым теоретическим дискурсом, иллюстрирующим убедительность слов, вынесенных в заглавие статьи В.А. Ядова "А все же умом Россию понять можно". Здесь не столько полемический отклик на известную поэтическую формулу, сколько попытка выявить рациональные составляющие понимания российской социальной реальности. В этой связи обращают на себя внимание выводы, сделанные В.А. Ядовым из дискуссии на тему "Куда идет Россия?" Их три: "Первый состоит в том, что российские трансформации будут успешны и эффективны при условии высокого авторитета государственных структур... Второй вывод относится к явлениям, которые можно обозначить как высокоразвитую в российском социальном характере адаптивность к трудностям жизни... Третий... связан с формированием общества "социальной справедливости" (с. 16-17). Угол рассмотрения, выбранный О.Н. Яницким ("Россия как "общество риска": контуры теории"), сопровождается подробной аргументацией, заканчивающейся выводом: "...производство рисков угрожает вытеснить производство общественного богатства..." (с. 33). Методологически важным выглядит и отказ автора от понятия "переходное общество", которое он характеризует как "лишь политически удобный эвфемизм" (там же). Сложные социологические вопросы подняты в статье А.Ф. Филиппова "Социология пространства как теоретическая альтернатива". В попытке ответить на вопросы типа: "как возможно общество, если необходимые условия его существования не совпадают с реальными условиями его существования?" или "где находится структура?" (т.е. проблемы социальной пространственности), Филиппов использует потенциал классической и пост-классической социологии. Учитывая антиномичность возможных теоретических конструкций, привлекаемых для осмысления темы социального пространства вообще и России в частности, автор предлагает воспользоваться интуицией в подтверждение того, что не все поддается жесткой концептуализации. "Мы обладаем, - пишет автор, - интуицией России как пространства... изменчивого... пространства как предмета борьбы... дискуссий, - но в то же время пространства, интуитивно устойчивого, самотождественного..." (с. 62).

Ю.Н. Давыдов ("Российская ситуация в свете веберовского различия двух типов капитализма") намечает контуры иного подхода к пониманию природы общественной системы, сложившейся в ходе реформ 90-х годов. Его подход базируется на веберовской методологии и выглядит правдоподобным для объяснения российского типа социальных трансформаций. Ю.Н. Давыдов приходит к выводу о том, что "новый русский" капитализм "создавал и все еще создает экономически адекватную для себя почву... аналогичную той, на какой произрос в свое время античный капитализм" (с. 75). Статьи З.Т. Голенковой ("Основные тенденции трансформации социальных неравенств" и написанная ею совместно с Е.Д. Игитханян "Безработные: их положение и саморефлексии" - второй раздел) строятся

на стратификационной теории. Рассматривая пути и формы "постсоветской декомпозиции социальной стратификации", автор отмечает, что в условиях растущей пропасти между богатыми и бедными наблюдается экономический откат, разрушение этических норм, преобладают дезинтеграционные процессы. З.Т. Голенкова видит в системе социального партнерства "как универсального способа стабилизации" общества объективную необходимость и потребность (с. 102). М.Ф. Черныш ("Социальная дифференциация в современном обществе: множественность форм") дополняет возможности стратификационного подхода поиском "эмерджентных" факторов, отвечающих за процесс социального расслоения. К числу таковых он относит территориальное деление, поколенческие различия, информационные технологии, которые не сглаживают, а обостряют социальное размежевание, обрекая одних на роль придатка к машине и открывая другим дорогу к более высоким стандартам жизни (с. 87).

Статья Н.А. Шматко ("Практические и конструируемые социальные группы: деятельностно-активистский подход") представляет собой опыт применения теории французского социолога П. Бурдьё в концептуальном поле российской социологии. Интерес к данной теории со стороны отечественных обществоведов не случаен и питается отсутствием четко структурированных социальных страт и различных критериев презентации социальных групп. Сильной стороной этого подхода является отказ от "субстантивистского", онтологического понимания социальных групп, в том числе классов. Однако не будучи субстанцией, социальная группа или класс могут рассматриваться в качестве условной реальности, признание которой не противоречит антисубстантивизму данной теории. Более того, продуманная до логического конца, она должна также снять завесу субстанциализма и с понятия общества как такового. В логике такого подхода превращение социальных групп и классов в субъектов социального действия становится возможным лишь тогда, когда они публично "представляют" себя через своих представителей.

Среди статей, отражающих современные реалии, следует выделить исследование Т.Н. Лукьяновой, Т.Н. Убиенных и Я.Л. Эйдельмана ("Экономическая реформа в России: культурные барьеры"). В нем своеобразно сочетаются эмпирико-экономический и социокультурный подходы. Это позволяет авторам, выслушав аргументы поборников особого "русского пути", проанализировать основные паттерны массового сознания и степень их "состыкуемости" с принципами либерально-экономического реформирования российского общества. С рядом поправок авторы заключают, что "культурные нормы не являются запретительными... для проведения экономической реформы либерального типа" (с. 142). Интересна работа Л.М. Дробижевой, анализирующей этнополитику и социальные практики в России. Ряд других статей раздела, привлекая обширный теоретический и фактический материал, рассматривают этнополитические, политические и другие тенденции и проблемы развития страны, социогносеологическую ситуацию.

Во втором ("Социально-адаптационные процессы") и третьем ("Человек в меняющемся обществе") разделах даны спектр практически всех жизненно важных тем российского общества и многообразный эмпирический материал, который убедительно рисует социальный облик современной России. Он слишком сложен и многозначен, чтобы можно было о нем выносить категорические суждения. Однако на основании статей данных разделов можно выделить несколько основных направлений, в которых развивается отечественная социологическая мысль. Это: социально-психологическое (статьи П.М. Козыревой, СБ. Герасимовой, И.П. Киселевой и А.З. Назимовой о динамике социального самочувствия россиян; А.В. Кинсбургского о социальном недовольстве; В.Н. Шубкина и В.А. Ивановой о стратах и тревогах российского общества; М.Е. Поздняковой о социально-психологических предпосылках наркотизации); политологическое (статьи А.Е. Чириковой и Н.Ю. Лапиной о российском федерализме; Р.Х. Симоняна и Т.М. Кочегаровой о положении российских общин в странах Балтии); экономическое (статьи А.Л. Темницкого о рыночных стратегиях трудового поведения наемных работников; В.С. Магуна о структуре и динамике трудовых ценностей; В.Е. Гемпельсона о рынке труда в России и других странах с переходной экономикой; А.А. Хагурова о селе в условиях рынка); социология профессий (статьи В.А. Мансурова и Л.А. Семеновой о профессиональных группах российской интеллигенции; А.Ю. Согомонова о меритологических предположениях постсоветских профессионалов; Е.Ю. Мещеркиной о биографиях представителей разных профессий); социология семьи и детства (статьи Т.А. Гурко о трансформации семейно-брачных отношений; И.Ф. Дементьевой о положении детей-сирот в России); экологическое (статьи О.В. Аксеновой и И.А. Халий о региональной экологической политике; А.В. Мозговой о социологическом обеспечении управления в условиях экологических бедствий); конфликтология (статья

Е.М. Акимкина, Т.М. Дридзе и Л.Н. Цой об опыте согласования интересов конфликтующих сторон) и др.

Актуальна подборка статей (третий раздел), выделенная в подзаголовок "Фрагмент сравнительной транзитологии: Россия и Польша". Сюда вошли статьи Е.Н. Даниловой "Кто мы, россияне?", О.Н. Дудченко и А.В. Мыгиль "Две модели адаптации к социальным изменениям", С.Г. Климовой "Какие народы нам ближе". Авторы руководствовались формулой "чтобы лучше узнать себя - сравни с другими". Указанные работы демонстрируют продуктивность такого подхода. Они фиксируют изменения в социальных идентификациях российского населения, выявляют доминантные и периферийные идентичности, обнаруживают стабильную доминанту первичных групп (семьи, единомышленников, сверстников, земляков) в структуре групповых идентификаций. "Однако, - пишут авторы, - вопрос о том, характерны ли эти тенденции только для России или они типичны для других обществ в условиях перемен, оставался открытым. Восполнить этот пробел в определенной мере позволили результаты данного исследования" (с. 590).

Вкратце эти результаты выглядят так. Е.Н. Данилова считает, что в России и Польше социальная ткань сохранена, социальные связи не разрушены, наиболее распространенные и значимые идентификационные группы и общности отражают сферу повседневных контактов и жизненных интересов. Вместе с тем, автор справедливо акцентирует внимание на различиях в области культурных и политических традиций, влияния социалистического прошлого, характера и динамики трансформационного процесса, роли элит в реформаторских начинаниях. Е.Н. Даниловой удалось выявить существенные противоречия в структуре российских и польских идентификаций. При наличии более выраженной коллективности россияне сильнее отчуждены от больших сообществ, а принцип формирования общностей построен на основе "ближних связей", т.е. по месту проживания или работы, а также с людьми своего поколения. В то же время у поляков ценности семьи и частной жизни не оспаривают их интерес к политике и значимость для них идентификаций по политическим убеждениям. Автор объясняет такое положение результатом недоверия россиян к властным структурам. Этим же она объясняет и слабость общенациональной гражданской идентификации в России по сравнению с Польшей, где она является важным элементом консолидации общества. Исследователь обоснованно заключает: "Только когда укрепится ее основа, и прежде всего взаимное уважение человека и государства, тогда, видимо, можно будет говорить о том, что кризис идентичности преодолен. Но произойдет ли это?" (с. 607).

К схожим выводам приходят О.Н. Дудченко и А.В. Мыгиль. Они находят существенную особенность в структуре групповых идентификаций россиян. Так, отмечая значимость для них общности "людей моей национальности", авторы указывают на отрыв национальной идентификации от ощущения близости к местным и тем более "русским национальным традициям". У поляков приверженность к своим традициям выражена гораздо сильнее. Не в последнюю очередь авторы это связывают с разными социальными "итогами" реформ в России и Польше. «Россияне, - пишут они, - в основном считают себя "проигравшими", дезадаптированными; поляки ощущают стабильность и умеренное благополучие. Учитывая эти различия, можно предположить, что польские реформы были более социально ориентированными и проводились в интересах более широких социальных слоев" (с. 620).

Неоднозначную картину идентификаций рисует С.Г. Климова, завершающая блок статей по "сравнительной транзитологии" и коллективную монографию в целом. Отмечая, что нормы поведения и потребления населения стран Западной Европы служат образцами для поляков и россиян, автор подчеркивает, что в Польше это носит массовый характер, а в России тяготение к западному образу жизни наблюдается в большей мере у элитных слоев общества. Она делает вывод о "ценностно-нормативном расколе между российской элитой и той частью общества, которая относится к этим странам с отчуждением и некоторой опаской. И такой раскол не может быть преодолен на основе же западных образцов" (с. 627). Вместе с тем, С.Г. Климова видит в росте притязаний в сфере потребления причину, вызывающую во всех социальных группах России, особенно у молодежи, отчуждение от собственной культуры. Подобное противоречие, по мнению автора, вызывает еще один "базовый разрыв" в российском обществе - между функциями целеполагания и практического осуществления целей. В Польше ситуация иная. Здесь ориентация на западные стандарты жизни сопровождалась поддержкой не только элит, но и широких слоев населения, представленных движением "Солидарность". Автор полагает, что некая отчужденность россиян от других народов свидетельствует еще и о невосребованности национально-культурных ценностей. Она завершает анализ следующими словами: "Проблема -

в определении собственной цивилизационной траектории в глобальном культурном процессе, свободной как от изоляционизма, так и от ценностных заимствований с Запада" (с. 628).

В рецензируемой книге немало дискуссионных выводов и положений, но в целом она обеспечивает ученого-обществоведа добротным эмпирическим и теоретическим материалом в познании социальных систем, переживающих процессы трансформаций, и будет с интересом встречена не только академическими кругами, но и всеми, кто хочет лучше разобраться в том, что происходит в постсоветской России.

В.Н. ИВАНОВ,
член-корреспондент РАН,
первый заместитель директора ИСПИ РАН